

Мы говорим—Ленин, подразумеваем—партия,

ЛЕНИН! Бесконечно дорог и близок миллионам трудящихся земного шара великий основатель большевистской партии и Советского государства. Нисколько не интерес к Ильичу у рабочих и ученых, колхозников и литераторов, воинов наших Вооруженных Сил—у всех, кто воплощает в жизнь бессмертные ленинские идеи. Жизнь и великий труд В. И. Ленина хорошо известны трудящимся. Тем дороже каждое новое воспоминание, каждый новый документ, каждая новая фотография, лишним штрихом обогащающие наше представление о Владимире Ильиче Ленине.

Сегодня «Литературная газета» публикует воспоминания о Владимире Ильиче. Большинство авторов впервые выступают в печати. Телеграфист аппаратной Кремля Семен Микша, шофер Петр Космачев, работавший у Владимира Ильича с августа 1918 года, о котором Надежда Константи-

новна писала: «я знаю его, как опытного, честного, добросовестного и преданного работника и товарища», красноармеец Александр Бельмас, прибывший на работу в Кремль в 1922 году, и Виктор Ульянов, племянник Ленина, частый его маленький спутник по прогулкам, и другие товарищи передают читателю в своих рассказах драгоценные подробности из жизни Владимира Ильича.

Во всех этих маленьких рассказах чувствуется безмерная любовь народа к Ленину.

Высокий долг писателя и историка, художника и журналиста — каждого советского человека — искать и искать все новые и новые документы об Ильиче, собирать и обрабатывать новые воспоминания, значение которых неоспоримо, и тем самым расширять наши сведения о великой жизни вожда.

Лист из ученической тетради

СРЕДИ старых книг, в которые никто из моих домашних давно не заглядывал, я обнаружил недавно две ученические тетради. На обложке одной стояла фамилия моей подруги детства — Веры Брусовой, на другой — моя. Записям в этих тетрадях исполнилось уже тридцать с лишним лет. Я с любовью перелистал их, подчитывая ошибки в длинном диктанте об ородах в Горках, и шестел первых же страниц воскресил в памяти третью тетрадь. Напрасно я искал ее в горах старых книг. До боли в сердце я ощутил в ту минуту потерю навсегда исчезнувшей тетради, так похожей на эти две. Она не сохранилась, но не истлела в памяти. И опять, как и в 1923 году, я мысленно держал ее в руках, совсем новую, неисписанную, лишь с двумя словами, начертанными на первой странице. Об этих двух словах в ней я и хочу рассказать.

В ТУ ПОРУ я жил в Горках. Не в первый раз с наступлением тепла мы переезжали сюда. В 1922 году здесь все было иначе. Тогда наш маленький домик находился рядом с квартирой дяди Володи и тети Нади. В нем обитали Варвара Игнатьевна Кукуева, долго жившая в доме Лениных, и Верочка Брусова, дочь московского дворника, где я жил у моей тети Анны Ильиничны Ульяновой. С Верой Брусовой я и приезжал на лето в Горки. Владимир Ильич, часто навещая Анну Ильиничну, хорошо знал эту маленькую девочку, которая постоянно бывала в нашем доме.

Лавно ли шумели веселые ручейки, а вместе с ними и мы в старом парке! Сейчас все замолкло здесь. Какое-то неясное, грустное понимание грустного обновления переживали эти места. Все разговаривали вполголоса, взрос-

В. И. Ленин с племянником Витей Ульяновым на прогулке в Горках.

удяди Володи, как и у меня, была учительница. Я даже видел, как она обучала его. Надежда Константиновна водила непослушную левую руку Владимира Ильича по бумаге. В пальцах его был зажат карандаш. Сейчас он держал то же тетрадьку в руке, чуть проткнув ее мне. Мне казалось, что он восторженно смотрит на меня и ждет моей оценки. Робкие ученические буквы лежали на линиях тетради. Всем своим детским существом я понимал случившееся.

Когда я оторвался от букв, от двух лишь слов, написанных на листе бумаги, я догадался, что

за этим и позвал меня Владимир Ильич. Счастливые глаза дяди Володи смотрели на меня. Он доверчиво посылал меня, маленького мальчишку, писавшего тогда такими же буквами, в свою радостную тайну.

«Мама», «Папа» — были первые слова, написанные в тетради рукой Ленина, вновь научившегося писать.

Он кивнул мне, и я ушел, держа в руке томящую ученическую тетрадь, воспоминание о которой останется у меня до конца моих дней.

ВИКТОР УЛЬЯНОВ
МОСКВА. Октябрь, 1957 г.

НА МИТИНГЕ

ПЕТРОГРАД в апреле 1917 года. Повсюду проходят бурные митинги: они возникают на улицах, площадях, в солдатских казармах, на фабриках, в частях флота. Различные партии стремятся привлечь на свою сторону массы.

Большевики вслух разъясняли свою позицию, свое отношение к Временному правительству. Я вспоминаю один из митингов, который проходил в те дни.

Однажды меня вызвали в Петроградский комитет большевиков. Здесь мне поручили с отрядом матросов отправиться в манеж.

— На митинг должны прийти наши товарищи-большевики из ЦК, — сказали мне.

Из своего отряда кронштадтских моряков я отобрал 110—120 матросов.

Мы подошли к манежу строем и так же вошли в него.

Недалеко от входа стояли броневики. Вокруг них расположились юнкера и кадеты.

В манеже собралось уже немало людей. Публика разношерстная — и сторонники большевиков, и их враги. Здесь были богато одетые дамы и мужчины в штатском, офицеры, чиновники. Отдельными островками держались в толпе группы рабочих и работниц, солдат и матросов. Разговор сотен людей сливался в гул. Чувствовалась какая-то нервность. Шум все нарастал. Как бы случайно оказавшись на трибуне, я громко крикнул:

— Граждане! Кого ждем? Не пора ли начинать?

Толпа рабочих, солдат и кронштадтских моряков подхватила:

— Правильно! Пора, нечего волынку тянуть!

Воспользовавшись некоторым замешательством, я тут же предложил избрать председателя собрания.

— Чего тут искать? Становится председателем сам! — послышались выкрики моих ребят.

Только я было начал свою вступительную речь, как вдруг кто-то дернул меня за полу шинели. Оборачиваясь и не верю своим глазам — вижу, возле трибуны, стоит Владимир Ильич, рядом с ним еще два члена ЦК. От неожиданности все у меня перемешалось в голове. Кто бы мог подумать, что сюда придет товарищ Ленин!

Ильич знаком попросил меня выслушать его. Я прервал свою речь, предоставив слово очередному оратору, а сам наклонился к Ленину.

— После этого меньшевика, — Ленин показал рукой на оратора, — предоставьте слово мне, а потом, через одного, выступите на трибуну товарищи из ЦК. Продолжайте вести собрание.

Меньшевик говорил долго и нудно. За это время я успел предупредить обо всем своих моряков, и они плотным кольцом окружили трибуну, «случайно» расположившись возле броневиков с кадетами и юнкерами. Между тем, оратор окончил речь и под жидкие аплодисменты сошел с трибуны. Осмотревшись, я с волнением произнес:

— Слово предоставляет Ленину!

Ильич поднялся на трибуну и стал возле меня. Из толпы раздались враждебные выкрики. Это вопили меньшевики, юнкера и кадеты.

Ленин стоял на трибуне, как изваяние, — ни звука, ни движения. Его слезки прищуренные глаза, исполненные твердости и решимости, скользили по толпе.

Несколько раз Владимир Ильич пробовал начать говорить, но всякий раз его прерывали злобные выкрики меньшевиков и кадетов.

Но вот Ленин поднял руку, окинул взглядом весь манеж и громко произнес:

— Позвольте же высказаться и разъяснить.

Стало немного тише. Лицо Ильича озарилось иронической усмешкой, и он продолжал:

— Где же я? В толпе неограниченных людей или же на митинге, созданном в свободной России?

После этого все смолкло. Волновались тишина. Ильич начал говорить. Он рассказал о том, как возвращался в Россию из эмиграции, об отношении большевиков к войне и Февральской революции и закончил свое выступление частичным изложением Апрельских тезисов. Его последние слова и мысли были понятны всем. Они магически действовали не только на его сторонников, но даже и на многих инуюмыслящих.

Говорил Ленин 20—25 минут, а потом быстро сошел с трибуны. Толпа в этот миг будто вдруг присела. Оказалось, что всю речь Ленина люди слушали, стоя на носках! Каждый хотел лучше увидеть вожда большевиков, не пропустить ни одного его слова. Когда же он окончил свою речь, толпа была понята на полную ступню. Внезапно вспыхнули дружные аплодисменты, раздались крики: «Да здравствует Ленин! Ура!»

Речь Ленина была такой убедительной, дышала такой правдой, что собрание после его выступления долго не могло успокоиться.

Ильич шел своей обычной топорной походкой к выходу, спеша на другое собрание. К нему устремились рабочие, солдаты, матросы. С возгласами «Ура!» они подхватили Ильича на руки...

В. ЗАНЦЕВ,
член КПСС с 1955 года

Любимый друг рабочих

ВЕСНОЙ 1917 года рабочие завода Михельсона захватили предприятие в свои руки. Но Михельсон добился в военно-промышленном комитете, чтобы нам отпустили в заводы. Тогда коллектив послал делегацию в Петроград. Но от Временного правительства мы ничего не добились.

Мы поехали к В. И. Ленину. У дворца Кшесинской мы увидели большую толпу. Протиснувшись через нее, мы заявили о своем желании видеть В. И. Ленина. Узнав, что пришла рабочая делегация из Москвы, Владимир Ильич привел к нам большой интерес. Когда мы вошли в его кабинет, В. И. Ленин встал из-за стола и радостно приветствовал нас.

Узнав, по какому поводу мы прибыли, он сказал, что мы рано отняли у Михельсона завод. Надо действовать сообща с рабочими других предприятий, готовиться забрать у капиталистов все фабрики и заводы.

Вскоре после Октябрьской революции Советское правительство во главе с В. И. Лениным переехало в Москву. Мне довелось присутствовать на нескольких выступлениях В. И. Ленина. Был я и на митинге, когда подлая убийца Каплан стреляла в нашего вожда.

Тогда я впервые по-настоящему увидел, что такое гнев народа. Когда раздался выстрел, часть рабочих бросилась на помощь упавшему Ильичу, а другая, в которой находился и я, кинулась ловить убийцу. Мы схватили ее, окружив трояким кольцом. Но возмущенная толпа требовала немедленной расправы над убийцей. С большим трудом нам удалось увести ее в здание Военного комиссариата на Малой Серпуховской улице. Но и там для охраны пришлось вызвать роту солдат. Сутки не расхолодил народ, требуя немедленного суда. В яростном порыве священного гнева люди забывали о том, что нужна не только расправа над заклятым врагом, — нужно расследовать, кто стоял за спиной убийцы. Сейчас наш завод носит светлое имя Владимира Ильича, имя безмерно дорогого трудящимся всей земли.

А. УВАРОВ,
пенсионер, член КПСС с 1915 года

ПО РУССКОМУ ОБЫЧАЮ

НЕ ТАК уж часто мы встречаемся сейчас с Алексеем Федоровичем Скрыпкинским. После его ухода на пенсию он редко заезжает к нам, на Центральный телеграф, где проработал много лет. Но каждая наша встреча невольно возвращает нас к прошлому, почти на сорок лет назад, когда мы впервые познакомились. Алексей Федорович был в ту далекую пору начальником телеграфного переговорного пункта в Кремле, а я — дежурным телеграфистом.

Наш пункт в течение полугодия был расположен в коридоре рядом с рабочим кабинетом Владимира Ильича, и всем нам довольно часто приходилось видеть Ленина, не раз заходя к нему с депешами, расшифровывать их.

Нередко в переговорную приходил Владимир Ильич. Он сам диктовал нам с исписанными листочками телеграммы, разговаривал по прямому проводу, слушал непосредственно с ленты у работающего аппарата последние вести с фронтов.

Иногда ночью появлялся Ильич со стаканом в руках и, смущая нас просьбой, просил разрешить ему налить из нашего чайника кипятку.

Однажды мы делили

На снимке: С. Микша (слева) и А. Скрыпин.

пакет — весьма скучный в то время. Увлекались, видимо, и не заметили появления Ленина. Он молча наблюдал, как кто-то из телеграфистов нарезал маленькие ломтики хлеба и вместе с кусочками селедки протягивал каждому из нас.

Очень скоро, буквально через несколько дней, мне довелось принять как-то важный телеграфный запрос, требующий немедленного ответа Ленина. Я, как это было принято, вошел с этим срочным текстом в кабинет Владимира Ильича. Завершив деловую часть, Ленин неожиданно протянул мне каравай хлеба, лежавший у него на столе, и сказал, чтобы мы поделили его между рабочими переговорного пункта, не забыв и наших соседей — телефонисток.

Это был, должно быть, один из подарков, преданных русскому обычаю Ленину ходоками.

Очень скоро всем телеграфистам нашего переговорного пункта был выдан личный паек. Мы считали, что в этом повинны Ленин.

Вот о чем мы вспоминали недавно с Алексеем Федоровичем Скрыпкинским.

С. МИКША

Вместе с курсантами

БЫВШИЙ тульский оружейник Константин Петрович Казаков в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции по партийной мобилизации был направлен курсантом в школу имени ВЦИК в Кремле.

Впоследствии К. П. Казаков стал кадровым командиром. От курсанта до генерал-полковника артиллерии — таков путь тульского рабочего.

В период службы в школе имени ВЦИК Константин Петрович Казаков неоднократно стоял на посту у квартиры Владимира Ильича Ленина. Ниже мы публикуем рассказы тов. Казакова о двух встречах с Ильичем.

БУДУЧИ курсантом школы имени ВЦИК, я неоднократно видел Владимира Ильича Ленина, слушал его выступления, а однажды даже вместе работал с ним.

Произошло это так. Первого мая 1920 года проводился Всероссийский первомайский субботник. Приняли участие в нем и мы, курсанты. Перед нами поставили задачу навести чистоту и порядок на территории Кремля.

Когда весь личный состав школы построили, мы вдруг заметили, что на левом фланге в шеренге стоит человек в штатском. Мы узнали в нем Владимира Ильича Ленина.

Нас всех разделили по бригадам, кажется, человек по 7—8. В одну из бригад, которой поручили переносить бревна, Владимир Ильич попросил включить и его. Трудился он энергично, стараясь отстать от молодежи. Несколько раз его пытались уговорить, что ему нельзя, мол, поднимать такие тяжести. Но Ленин был непреклонен. Тогда курсанты пошли на «хитрость». Незаметно для Ильича бригада была заменена высокорослыми курсантами. Когда они поднимали бревно, Ленин никак не мог дотянуться до него.

Но так длиться недолго. Владимир Ильич быстро обнаружил эту уловку и категорически по-

требовал, чтобы ему дали возможность работать наравне со всеми.

В течение четырех часов носил с нами бревна родной Ильич. Заметив, что он сильно устал, мы дружно, весело подняли его на руки и проводили в здание Солянка.

Совсем одна близкая встреча с великим вождем произошла у меня в мае 1921 года. Помнится, стою я с винтовкой на посту № 21 — то есть у квартиры Владимира Ильича. Вдруг открывается дверь и выходит Ленин. В одной руке у него стакан чаю, в другой — тарелочка с пирогами. Поставил он все на тумбочку и говорит мне: «Кушайте, товарищ курсант!»

По уставу, на посту разговаривать не разрешается, и я молча приветствовал вожда. Через некоторое время Владимир Ильич вернулся. Посмотрев на тумбочку и заметив, что все его угощение не тронуто, вновь сказал мне: «Обязательно покушайте, товарищ курсант! Обязательно!»

Свито храню я в памяти эти незабываемые встречи.

К. КАЗАКОВ,
генерал-полковник артиллерии

1917-й год, октябрь...

В ПОЧЬ с 25 на 26 октября (по старому стилю), во всяком случае после 2 часов ночи, ибо к этому времени красногвардейцы, солдаты и матросы уже заняли Зимний дворец и арестовали министров Временного правительства, Владимир Ильич Ленин покинул здание Смольного и вместе со старым партийным товарищем В. Д. Бонч-Бруевичем отправился на его квартиру на Песках, неподалеку от Смольного.

Дома Бонч-Бруевич с трудом уговорил себя расположиться в отдельной комнате и занять его постель. Из соседней комнаты хозяин квартиры увидел, как Ленин потянул электричество, но вскоре, очевидно, решив, что все уже спит, вновь зажег свет и начал работать.

Владимир Ильич работал чуть не до рассвета! Утром все ходили на цыпочках и говорили шепотом. Но неожиданно дверь из комнаты Ильича отворилась, появился он сам, весело глядя на всех и широко улыбаясь своей открытой, быстрой улыбкой, сказал:

— С первым днем социалистической революции!

«...На его лице, — пишет Бонч-Бруевич, — не было заметно никакой усталости, как будто бы он великолепно выспался, а на самом деле спал-то он разве два-три часа, самое большее, после такого ужасного, двадцатичасового трудового дня. Когда собрался все пить чай и вышла Надежда Константиновна, ночевавшая у нас, Владимир Ильич вынул из кармана чистенькую переписанную листки и прочел нам свой знаменитый «Декрет о земле».

К этому описанию следует добавить: октябрьской ночи предшествовал, конечно, не один двадцатичасовой, как говорит Бонч-Бруевич, рабочий день Ленина, а много дней и ночей неперестанного труда и нервного напряжения.

3 А МЕСЯЦ с небольшим до Октябрьского переворота Надежда Константиновна Крупскую доведло известить Ленина в Гельсингфорсе. Крупскую поразило его внешнее вид: «...истосковало его, сила в подползе в момент, когда так важно было быть в центре подготовки к борьбе».

Быть в центре! Эта мысль не давала Владимиру Ильичу покоя. Ни сравнительная близость к Петрограду, ни налаженная связь с Петроградом и ЦК его не удовлетворяли.

12—14 сентября Ленин написал письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП: получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и долж-

ны взять государственную власть в свои руки; мы победим безусловно и несомненно.

17 сентября Ленин переезжает в Выборг. Но и там он не успевает. Однако для приезда в столицу требовалось решение ЦК. К радости Ленина, оно состоялось 3 октября: «...предложить Ильичу переехать в Питер, чтобы была возможной постоянная и тесная связь».

И 7 октября, в субботу, Ленин прибыл в центр борьбы. Обещание в Петрограде Ленину подобрала Надежда Константиновна. То была квартира большевика, депутата Петроградского Совета Маргариты Васильевны Фофановой на углу Большого Сампсоньевского проспекта и Сердобольской улицы.

И скромная квартира на питерской окраине, за окнами которой сгибались под ветром ветви голых деревьев, становится как бы рубкой великого штурмана корабля революции.

Работал Ленин очень много. 1 октября он заканчивает блестящую по форме, убедительности, революционному оптимизму, научному проникновению в уже близкую эпоху пролетарской диктатуры брошюру «Удержат ли большевики государственную власть?». 6—8 октября он пишет большую журнальную статью, посвященную пересмотру партийной программы и формулирующую ближайшие и более отдаленные задачи марксистов. «смысл идущих на величайшую в мире революцию и в то же время трезво учитывающих факты...» В день окончания этой статьи он обращается к партии с «Советами постронного» — скажет, но нечерпывающей асной программой организации революционного штурма для низвержения власти капитала.

И письма — одно письмо за другим — с оценкой создавшихся условий, международных и внутренних, с анализом расстановки классовых сил, с настоятельными требованиями разносторонней подготовки и смелого осуществления вооруженного восстания. Такими: письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам (1 октября), к рабочим, крестьянам и солдатам (1—2 октября), Питерской городской конференции большевиков для прочтения на закрытом заседании (7 октября), к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области (8 октября).

Читает эти письма, и ясно представляешь себе, с какой нарастающей настойчивостью, с какой железной целеустремленностью сосредоточивал Ленин мысль, волю, сознание большевиков вокруг не знавшей себе равной

в истории задачи мобилизации сил для вооруженного восстания.

Восстание, как и война, — искусство. Восстание нужно готовить неутомимо, тщательно продумывая все детали, — вот основная мысль ленинских произведений этих дней.

О ВСТОЯТЕЛЬНОСТИ не позволяла Ленину добродетельная Лени. Лени, которого в парике, без усов и бороды даже днем было трудно узнать, время от времени по вечерам встречался с руководящими деятелями партии то на квартире М. И. Калининна, то на квартирах рабочих Никандра Кокко или Д. А. Павлова. В доме токаря Кокко он, например, делился с Н. В. Сталиным.

Вечером 10 октября на квартире большевички Г. Н. Сухановой состоялось заседание ЦК — первое после июльских дней, на котором присутствовал В. И. Ленин. Он сделал доклад о текущем моменте. В заключение Ленин предложил, и ЦК принял резолюцию, в которой признал, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело» и что все организационные партии должны «руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы...»

Историческая резолюция! И не момент ли принятая ее имел в виду В. И. Ленин, когда в 1921 году, разбирая ошибки германских коммунистов, говорил Кларе Цеткин, что завоевание масс — необходимая предпосылка для завоевания власти. Ленин сказал тогда Цеткин: «Как много мы, большевики, должны были работать среди масс, прежде чем могли сказать себе: «готово, вперед!»

ПАРТИЯ развернула организацию восстания. Легальным центром, руководящим подготовкой, стал Военно-революционный комитет (ВРК), образованный при Петроградском Совете.

Для проверки хода подготовки восстания 16 октября было создано расширенное заседание ЦК в помещении Лесоскопной подрайонной думы, возглавлявшейся М. И. Калининным. Сбор был назначен на 7 часов вечера.

Степено. Шел холодный дождь. Ветер был так силен и порывист, что сорвал с Владимира Ильича не только фуражку, но и парик. Хорошо еще, что поблизости никого не оказалось.

Ленин и сопровождавший его Рахья пришли к месту назначения, свернули в небольшой переулок, осмотрели, предосторожности ради, местность, окружающую адские думы. Их встретил, как было условлено, Шотман.

В. И. Ленин беседует с красногвардейцами

Рис. П. Васильева

Мы говорим-партия, подразумеваем-Ленин

Для будущих поколений

ПОГЛОЩЕННЫМ кипучей, неустанной работой, Владимир Ильич заболел и о том, чтобы Октябрьские события с первых же дней фиксировались на киноленте для будущих поколений. Ильич знал почти всех кинооператоров, особенно тех, которые он считал, что они снимали, что намечалось заснять, нередко сам подсказывал им темы, создавал все необходимые условия, вплоть до предоставления операторам крайне дефицитных в то время автомашин.

В июле 1918 года по инициативе Владимира Ильича была выделена крупная сумма на покупку аппаратуры и пленки за границей. И вскоре на экране появился журнал «Кино-неделя», затем ежемесячная «Кино-правда», потом возник «Кино-календарь».

Если до наших дней дошли фильмы, показывающие создание Красной Армии, ее первые бои и победные вступления в отбитые у белых города, кадры, запечатлевшие полководцев революции, первые демонстрации, митинги, кадры, отражающие разруху и восстановление народного хозяйства, — этим мы обязаны вниманию и заботе Ленина.

ПЕРВЫМ заснял Ленина для экрана оператор Элекард Лемберг. Это произошло в тот день, когда Владимир Ильич выступал с балкона дворца Ксесинской.

Однажды Владимир Ильич стал спрашивать кинооператора Новикова, что снято им за последнее время, имеет ли он возможность получать широкую информацию о происходящем в стране. Оператор ответил, что интересные сюжеты для хроникальных съемок могли бы подсказать работники руководящих органов.

— Вам нужен доступ к ним? — спросил Ленин и добавил: — Покажите мне ваше удостоверение.

Взяв удостоверение, выданное Новикову Кинокомитетом, Ленин в самом низу листа, на свободном месте, диктовал свою просьбу — оказывать содействие оператору Петру Новикову, проследить его в помещении Совнаркома и здания судебных установлений в Кремле.

Вскоре Новикову довелось выехать в командировку. В качестве оператора он был включен в состав Российской мирной делегации, выезжавшей летом 1918 года на Украину. В оккупированном немцами Киеве вражеской рукой было похищено имущество инореферта. Новикову удалось вынести из огня часть вещей, в том числе и мандат с припиской Ленина. Вот этот частично сожженный документ, на котором сохранились написанные рукой Владимира Ильича отдельные слова и его подпись...

На командировочных удостоверениях некоторых инорефертов можно было тогда прочитать: «Оператор такой-то направляется по распоряжению товарища Ленина». С таким, например, мандатом выехал к Чапаеву кинохроникер П. В. Ермолов в 1918 году. Им был запечатлен на ленте легендарный командир Василий Иванович Чапаев, чей образ увидят на экране многие поколения.

М. ПОЛЯНОВСКИЙ

Последняя поездка в Кремль

В неопубликованных воспоминаниях шофера Ильича — Петра Сидоровича Космачева, написанных им незадолго до смерти, особенно подробно рассказывается о пребывании В. И. Ленина под Москвой на отдыхе в Истринском (1921—1922 гг.).

— А лучше наших Горок все же нет, — говорил, возвращаясь с отдыха, Владимир Ильич.

И мне печатается небольшой отрывок из воспоминаний П. С. Космачева о последней поездке В. И. Ленина на Горки в Москву. Это было осенью 1923 года, когда больной Владимир Ильич почувствовал себя настолько хорошо, что у всех, живущих в ту пору в Горках, появилась радостная надежда на окончательное выздоровление Ленина.

Я ПОМНЮ, что это было утром. Владимир Ильич попросил меня побрить его. Настроение у него было хорошее, бодрое — он шутил, смеялся.

— Не отакайте от работы товарища Космачева, — говорила Мария Ильична, — а то еще порежетесь.

На шутку Владимир Ильич отвечал улыбой.

— Не иначе как собрался ехать куда, если уж решил бриться, — продолжала смеяться Мария Ильична, не думая, должно быть, что произойдет через несколько часов. А получилось так, как она и говорила. Днем пришел враг в гараж Владимир Ильич и говорит мне:

— Едем в Москву. Вот мы и поехали в Кремль после долгого перерыва. Побыл там Владимир Ильич и говорит мне:

— Едем в Москву. Вот мы и поехали в Кремль после долгого перерыва. Побыл там Владимир Ильич и говорит мне:

дминистра Ильича не делало этого, но Ленин настаивал на своем. Тогда они и прибегли к последней попытке удержать Владимира Ильича от этой поездки, включив в свой «эговор» и Петра Космачева. Вот как все это происходило.

Как только выехал Космачев, мы направились след за ним на второй машине. Шофер Ленина хорошо помнит задуманное Надеждой Константиновной и Марией Ильичиной и выехал из гаража с южной стороны парка. Минували лес и направились по Каширскому шоссе. Затем свернули направо и через деревню Горки с северной стороны усадьбы въехали в парк и очутились перед гаражом.

Вот тут-то всем и досталось от Ильича за эту уловку. Пришлось немедленно ехать, но уже не по маршруту Надежды Константиновны и Марии Ильичиной...

При въезде в Москву Ленин извлек желанное взглянуть на здание Московского Совета. Космачев остановил машину у Моссовета, мы постояли несколько минут, и всем нам, сидевшим во второй машине, стало как-то

грустно. Не прощались ли с Москвой, с ее боевым центром, приехал Ильич? Затем мы проехали в Кремль. На третий этаж Ленин поднялся в лифте. Он прошел в свой кабинет, недолго задержался там и после очень короткого осмотра зала заседаний Совета Народных Комиссаров направился в свою квартиру. Вскоре он вышел оттуда и появился на площади Кремля. У «царя-колокола» стояла машина. Владимир Ильич собрался было ехать, когда заметил на плацу стоявших курсантов школы ВЦИК. Ленин попросил подвезти ближе к курсантам. Командир увидел Ленина, не растерялся и громко подал радостную команду:

— Смирно! Равнение на председателя Совета Народных Комиссаров товарища Ленина.

Владимир Ильич ответил всем улыбой и совсем по-граждански, как-то очень отечески помахал курсантам кепкой.

На обратном пути мы заехали на выставку. Это была последняя поездка Ленина в Москву.

Сергей АЛЕШИН, член КПСС с 1920 г., пенсионер СВЕРДЛОВСК

Закладка памятника Марксу

В МОЕМ архиве хранятся пожелтевшие листки из календаря 1919 года. Второе ноября: «Звонили из Наркомпроса, просят принять участие в конкурсе на памятник Марксу». И еще листок — за третье ноября: «Сегодня начинаем. Скульпторы Сергей Аleshин и Сергей Кольцов, архитектор Виктор Веснин».

Над своим проектом мы работали всю зиму. Конкурс открылся в конце февраля 1920 года. Было представлено около двадцати проектов. Владимир Ильич лично принимал участие в выборе макета памятника. Избран был наш проект.

Тридцатого апреля 1920 года модель была привезена на Театральную площадь. 1 мая ровно в 2 часа дня на торжественную закладку памятника вместе с рабочими и членами правительства, прямо с субботника в Кремле, приехал Владимир Ильич. Народу на площади собралось много: все крупные предприятия Москвы послали свои делегации. На огромной площади было очень тихо. В те годы еще почти не было микрофонов, усилителей, но то, что говорил Ильич с дошапой невысокой трибуны, слышали все: такая стояла тишина.

После Владимира Ильича говорил А. В. Луначарский, а Ильич в это время стоял рядом с нами около трибуны. Один из представителей наркомата просвещения подошел к Ленину с металлическим свитком — протоколом закладки памятника. Заостренной палочкой Владимир Ильич первым написал на металле свою фамилию. Потом протокол подписали представители всех рабочих делегаций, присутствовавших на церемонии закладки. Металлический свиток вложили в латунную коробку. Ильич взял ее и замуровал в фундамент памятника. Фундамент накрыли мраморной плитой, а на нее поставили красный гранитный камень с надписью: «Первый камень памятника великому вождю и учителю пролетариата Карлу Марксу».

Скульптор С. АЛЕШИН

На снимках: сверху — В. И. Ленин на церемонии закладки памятника Карлу Марксу (фотография публикуется впервые); внизу — макет памятника. Фото И. В. Аleshиной

После Владимира Ильича говорил А. В. Луначарский, а Ильич в это время стоял рядом с нами около трибуны. Один из представителей наркомата просвещения подошел к Ленину с металлическим свитком — протоколом закладки памятника. Заостренной палочкой Владимир Ильич первым написал на металле свою фамилию. Потом протокол подписали представители всех рабочих делегаций, присутствовавших на церемонии закладки. Металлический свиток вложили в латунную коробку. Ильич взял ее и замуровал в фундамент памятника. Фундамент накрыли мраморной плитой, а на нее поставили красный гранитный камень с надписью: «Первый камень памятника великому вождю и учителю пролетариата Карлу Марксу».

Скульптор С. АЛЕШИН

На снимках: сверху — В. И. Ленин на церемонии закладки памятника Карлу Марксу (фотография публикуется впервые); внизу — макет памятника. Фото И. В. Аleshиной

иначе самый малейший промах может стоить жизни красногвардейцам, революционным матросам и солдатам... Промаш может поставить на карту исход восстания... И учтите, пожалуйста, что солдаты солдатами, но больше всего мы в своей борьбе должны рассчитывать на рабочих.

Антонов-Овсеенко закончико определял настроение, с каким он и товарищи уходили от Ленина: «Да, надо дать «полный ход». В ту же ночь весь актив Военной организации был поставлен на ноги.

Надо было ускорять подготовку восстания, придать ей наибольший размах и наибольшую организованность. В противовес этому Троцкий предлагал отложить восстание до II Всероссийского съезда Советов. Но к чему привела бы оттяжка? К тому, что контрреволюционеры смогли бы прервать выступление пролетариата.

Ленин торопит большевиков. Он повторяет: нельзя ждать, никаких оттяжек, промедление смерти подобно. Смелость, смелость, еще раз смелость!

В ЕЩЕ 24 октября. Та же квартира в доме на углу Большого Сампсоньевского и Сердобольского.

Ленин пишет письмом членам ЦК, таящее в себе силу ежаты пружины: «Ясное ясное, что теперь уже истинное, промедление в восстании смерти подобно... Нельзя ждать! Можно потерять все!!! Правительству колебаться. Надо добить его во что бы то ни стало!»

А ЦК в это время уже действовал. Силы восстания были приведены в движение с утра, и их удар нарастал с каждым часом.

Рахья прибыл к Ленину и (как до него Фофанова) сообщил все, что знал о событиях в городе. Вместе они пошли в Смольный. Сначала шли пешком. Потом вскопали на заднюю площадку прицепного вагона почти пустого трамвая, возвращавшегося в парк. На углу Боткинской улицы сошли с трамвая, пошли к Литейному мосту, проскочили мимо охраны, требовавшей пропусков, вышли на Литейный проспект, свернули на Шпалерную улицу.

Ленин, в нахлобоченной кепке, переваливаясь мятым платком, прищуриваясь, вглядывается в потемки, идет у самых ступней старой царской «спиральки», где в 1895—1896 г. он, Бржжановский и другие его друзья из «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» сидели в заключении... И вдруг окрик верховых юнкеров: окрик: «Стой! Пропуск!» Рахья, с виду бродяга бродягой, затеяет с верховыми скандальную перепалку, а его спутник поспешно уходит.

И вот Ленин в Смольном. В его руках сосредоточились все нити восстания. Начались первые сутки победившей социалистической революции.

Н. МОР

В. И. Ленин и Н. К. Крупская выезжают на автомобиле из Горок. За рулем шофер П. Космачев. Фото М. И. Ульяновой

История одного портрета

АЛЕКСАНДРУ Евеличу Магараму, художнику и инженеру, много путешествовавшему на своем веку, в молодости довелось неоднократно встречаться с Владимиром Ильичем Лениным.

В ранней своей юности, в 1913 году, еще учеником Одесского художественного училища, А. Магарам был арестован и сослан в Сибирь за участие в революционном движении.

— Там я впервые услышал о Ленине от других ссыльных, — рассказывает А. Е. Магарам, — вскоре на одном из подпольных собраний, организованном под видом вечеринки, товарищи предложили мне бежать из Сибири за границу. В том же году я эмигрировал во Францию, где на первых порах был чернорабочим. Вскоре, однако, эмигранты из России помогли мне через политэмигрантский комитет поступить в Парижскую академию художеств. В Швейцарии, в горной деревушке Шил, над Лозанной, я познакомился в 1916 году с Владимиром Ильичем Лениным. В Лозанне же мне довелось сделать портретный этюд, а затем написать портрет Владимира Ильича, хранящийся сейчас в Центральном музее В. И. Ленина в Москве.

В настоящее время А. Е. Магарам пишет свои воспоминания о встречах с В. И. Лениным. Мы печатаем отрывки из этой рукописи.

В ЛОЗАННЕ, по случаю, я приобрел на рынке новую пару ботинок, соблазнившись их дешевизной, и тут же надев. Шел мокрый снег. Поднявшись из Лозанны в Шай, я споткнулся о камень, и у нового башмака отскочила подошва. Пришлось пойти к сапожнику и попросить его починить обувь.

Подождите, пожалуйста, — отозвался сапожник, — я сейчас занят другим клиентом.

Затем он, обратившись к сидевшему у углу человеку:

— В этот раз я наложил на вашу обувь очень крепкие подошвы и хорошие набилки, смотрите же, не сбивайте их тепер!

— Что подделаешь, батенька, — ответил тот, — такая уж у меня походка.

Помолчав, сапожник — это был знавший меня политэмигрант из России — сказал клиенту:

— Вот тот молодой человек, о котором я говорил. Познакомьтесь, продолжайте он, — это наш лидер, товарищ Ленин.

Признаюсь, я тогда, как говорится, не поверил своим глазам. Я ожидал встретить в Ленине даже по внешности необыкновенно человека, образ которого озадал в своем воображении. Я ошеломленно спросил:

— Какой Ленин? Ульянов?

— Ну да. А что? — спросил сапожник.

Так мы познакомились. Пока мастер возился с ботинками, Ленин задавал мне вопросы, отвечая на которые, я постепенно рассказывал ему о тяжелых переживаниях наших соотечественников на фронте, о впечатлении солдат, возвращавшихся из краткосрочных отпусков, выражая свое возмущение тем, что люди живут в невыносимых условиях. Ленин слушал меня внимательно, затем сказал:

— Вот видите, таких, как вы, теперь сотни тысяч. Надо, чтобы чувства, которые переживаете вы, проникли в самую душу народных масс, и тогда эти массы будут организованны, тогда они встанут и сбросят со своих плеч эксплуататорский класс и объявят войну — войну.

— Иными словами, — вмешался сапожник, — будет революция!

— Да, будет революция, — подтвердил Ленин.

Я сказал Владимиру Ильичу, что у нас уже была одна революция, но она очень мало дала народу.

— Напротив, — ответил Владимир Ильич, — она очень много дала: это была генеральная репетиция. Вы одесит? — спросил он меня.

— Да, — ответил я.

— Вы помните восстание на бронесуде «Потемкин»? — Помню.

— Так вот, — сказал Ленин, — настает время, а это время уже не за горами, когда массы обученных капиталистами людей с оружием перейдут на нашу сторону, затем эти массы, будучи соответственно организованы, возьмут власть в свои руки.

Все это казалось мне тогда несбыточной мечтой. Ленин усмехнулся и, обращаясь к сапожнику, сказал:

— Вот Фома-неверующий! Из мастерской я вышел вместе с Лениным, направляясь в Шай. Дорогой, касаясь мельчайших подробностей, он интересовался положением политэмигрантов в иностранном легионе, их бытом, настроениями, отношением к ним властей.

Этот этюд я показал затем Валлотону. Он неодобрительно отнесся к тому, что я пишу портрет на лоскутке холста, сказал, что такой маленький портрет не подойдет для выставки, и дал мне новый холст на подрамнике. В следующий сеанс я окончил этюд и тут же приступил к новому портрету.

Ленин уже специально позировал мне тогда. К концу первого сеанса деловая по библиотеке стала наклоняться, у нее от запаха красок разболелась голова, и заявила, что библиотека — не мастерская художника. Тогда мы устроились с Владимиром Ильичем, что следующие сеансы состоятся у меня.

Ленин приходил точно в условленное время. Так как он был очень занят, сеансы проводились не ежедневно, а с перерывами.

В ту пору я увлекался Рембрандтом и нарочно писал Ленина в шляпе, чтобы создать «рембрандтовское» освещение. Когда я заканчивал портрет, Владимир Ильич откровенно сказал, что первоначальный этюд ему нравился больше, чем портрет.

— Мне думается, — говорил он, — что вы мудрствуете лукаво. Художник не должен никому подражать: он должен быть самобытным. В какую бы одежду художник ни одел свое искусство, эта одежда будет своя, а не с чужого плеча.

В другой раз он сказал относительно этого портрета:

— Конечно, сходство имеется здесь безусловно, но я вас не вижу в этом портрете. Я не художник, но полагаю, что, если бы вы были самим собой, портрет вышел бы лучше. Всякое подражание похоже на кривляние. Помоему, в искусстве самое интересное — это правдивое отображение того, как художник чувствует, а неискренность и кривляние сразу бросаются в глаза.

Портрет этот фигурировал на выставке в Лозанне. В. И. Ленин, А. В. Луначарский и некоторые другие товарищи присутствовали на вернисаже выставки. В начале 1917 года портрет был выставлен на Интернациональной выставке в Цюрихе.

Этот портрет Владимира Ильича и находится в настоящее время в Центральном музее В. И. Ленина в Москве.

А. МАГАРАМ

затем мне тогда Петр Петрович Показил. В его тоне не чувствовалось еще тревоги. Никто не мог и подумать, что страшно горе уже рядом.

Сейчас только, несильно секунд назад, я услышал гром, как гром знаменитого, как слышится новый закон, Трубка выпала из ее руки...

Не снимать трубку? Нет, нельзя. Я находился здесь, чтобы отвечать. Законил так часто, словно вся Москва уже знает о случившемся только что, минуту назад. Снимать трубку, не зная еще, что ответить, но ясно понимая, о чем сейчас спросит меня. От одного, кто говорит со мной, слышны только всегда похолодевшие, приглушенные голоса и слышишь тот же вопрос:

— Кто с Лениным? Как Ленин?

Никого вокруг. Я один здесь. Тишина... Я должен сказать правду, но не могу. Не хочу верить, не верю в то, что произошло.

— Нич, — отвечаю я, — Ильич жив.

Я кладу трубку на рычаг. Но закончат нет конца. Я не успеваю отступить одному, как слышится новый закон. И всем так же тихо, как спрашиваю меня, я отвечаю:

— Да, Ленин жив.

Ильич я ответить не мог. Ленин действительно жил, будет жить...

Александр БЕЛЬМАС, член КПСС с 1920 года

В ПРИПИХШЕМ доме

В ДЕКАБРЕ 1922 года был вызван в Коллегию ОГПУ и представлен Ф. Э. Дзержинскому.

— Вам предстоит неслужная, на первый взгляд, но очень ответственная и почетная работа. Желаю вам всего доброго на новой службе!

С этим немногословным и несколько таинственным напутствием Феликса Эдмундовича я вышел из его кабинета.

— На новую же работу меня направлял? — думал я по пути в Кремль, куда мне предстояло явиться за назначением и инструкцией. Осознал всю огромную ответственность, которую я сумел лишь к концу дня, когда узнал: я назначен в личную охрану Ленина.

До этого всего один раз мне довелось видеть Ленина. Я был свидетелем недавней его встречи с делегацией IV конгресса Коминтерна, слушал его речь на конгрессе. Теперь мне предстояло часто встречать Владимира Ильича, видеть его, слышать — вот первые и радостные мысли того дня.

Я не ошибся, так и было на протяжении двух лет. Не сегодня мне хочется рассказать о другом дне, но всегда оставшееся в моей памяти, скорбное дне, когда я не увидел больше Ленина.

ПОРКИ. Только что в припихшем доме я услышал слово, незнакомое, как удар из-за угла. Это слово прозвучало Марии Ильичиной. Одного взгляда на телефонную трубку, брошенную на стол, на свешившийся на пол длинный шнур, было достаточно, чтобы понять случившееся. Я поднял трубку и осторожно пошел в ее.

Здесь я дежурил и позавчера — 19 января 1924 года. В ту утро Ленин не вышел и завтраку. — Сегодня Ильич не поведет на прогулку, ему что-то недоразвится, — слы-

затем мне тогда Петр Петрович Показил. В его тоне не чувствовалось еще тревоги. Никто не мог и подумать, что страшно горе уже рядом.

Сейчас только, несильно секунд назад, я услышал гром, как гром знаменитого, как слышится новый закон, Трубка выпала из ее руки...

Не снимать трубку? Нет, нельзя. Я находился здесь, чтобы отвечать. Законил так часто, словно вся Москва уже знает о случившемся только что, минуту назад. Снимать трубку, не зная еще, что ответить, но ясно понимая, о чем сейчас спросит меня. От одного, кто говорит со мной, слышны только всегда похолодевшие, приглушенные голоса и слышишь тот же вопрос:

— Кто с Лениным? Как Ленин?

Никого вокруг. Я один здесь. Тишина... Я должен сказать правду, но не могу. Не хочу верить, не верю в то, что произошло.

— Нич, — отвечаю я, — Ильич жив.

Я кладу трубку на рычаг. Но закончат нет конца. Я не успеваю отступить одному, как слышится новый закон. И всем так же тихо, как спрашиваю меня, я отвечаю:

— Да, Ленин жив.

Ильич я ответить не мог. Ленин действительно жил, будет жить...

Александр БЕЛЬМАС, член КПСС с 1920 года

затем мне тогда Петр Петрович Показил. В его тоне не чувствовалось еще тревоги. Никто не мог и подумать, что страшно горе уже рядом.

Сейчас только, несильно секунд назад, я услышал гром, как гром знаменитого, как слышится новый закон, Трубка выпала из ее руки...

Не снимать трубку? Нет, нельзя. Я находился здесь, чтобы отвечать. Законил так часто, словно вся Москва уже знает о случившемся только что, минуту назад. Снимать трубку, не зная еще, что ответить, но ясно понимая, о чем сейчас спросит меня. От одного, кто говорит со мной, слышны только всегда похолодевшие, приглушенные голоса и слышишь тот же вопрос:

— Кто с Лениным? Как Ленин?

Никого вокруг. Я один здесь. Тишина... Я должен сказать правду, но не могу. Не хочу верить, не верю в то, что произошло.

— Нич, — отвечаю я, — Ильич жив.

Я кладу трубку на рычаг. Но закончат нет конца. Я не успеваю отступить одному, как слышится новый закон. И всем так же тихо, как спрашиваю меня, я отвечаю:

— Да, Ленин жив.

Ильич я ответить не мог. Ленин действительно жил, будет жить...

Александр БЕЛЬМАС, член КПСС с 1920 года

затем мне тогда Петр Петрович Показил. В его тоне не чувствовалось еще тревоги. Никто не мог и подумать, что страшно горе уже рядом.

Сейчас только, несильно секунд назад, я услышал гром, как гром знаменитого, как слышится новый закон, Трубка выпала из ее руки...

Не снимать трубку? Нет, нельзя. Я находился здесь, чтобы отвечать. Законил так часто, словно вся Москва уже знает о случившемся только что, минуту назад. Снимать трубку, не зная еще, что ответить, но ясно понимая, о чем сейчас спросит меня. От одного, кто говорит со мной, слышны только всегда похолодевшие, приглушенные голоса и слышишь тот же вопрос:

— Кто с Лениным? Как Ленин?

Никого вокруг. Я один здесь. Тишина... Я должен сказать правду, но не могу. Не хочу верить, не верю в то, что произошло.

— Нич, — отвечаю я, — Ильич жив.

Я кладу трубку на рычаг. Но закончат нет конца. Я не успеваю отступить одному, как слышится новый закон. И всем так же тихо, как спрашиваю меня, я отвечаю:

— Да, Ленин жив.

Ильич я ответить не мог. Ленин действительно жил, будет жить...

Александр БЕЛЬМАС, член КПСС с 1920 года

затем мне тогда Петр Петрович Показил. В его тоне не чувствовалось еще тревоги. Никто не мог и подумать, что страшно горе уже рядом.

Сейчас только, несильно секунд назад, я услышал гром, как гром знаменитого, как слышится новый закон, Трубка выпала из ее руки...

Не снимать трубку? Нет, нельзя. Я находился здесь, чтобы отвечать. Законил так часто, словно вся Москва уже знает о случившемся только что, минуту назад. Снимать трубку, не зная еще, что ответить, но ясно понимая, о чем сейчас спросит меня. От одного, кто говорит со мной, слышны только всегда похолодевшие, приглушенные голоса и слышишь тот же вопрос:

— Кто с Лениным? Как Ленин?

Никого вокруг. Я один здесь. Тишина... Я должен сказать правду, но не могу. Не хочу верить, не верю в то, что произошло.

— Нич, — отвечаю я, — Ильич жив.

Я кладу трубку на рычаг. Но закончат нет конца. Я не успеваю отступить одному, как слышится новый закон. И всем так же тихо, как спрашиваю меня, я отвечаю:

— Да, Ленин жив.

Ильич я ответить не мог. Ленин действительно жил, будет жить...

Александр БЕЛЬМАС, член КПСС с 1920 года

затем мне тогда Петр Петрович Показил. В его тоне не чувствовалось еще тревоги. Никто не мог и подумать, что страшно горе уже рядом.

Сейчас только, несильно секунд назад, я услышал гром, как гром знаменитого, как слышится новый закон, Трубка выпала из ее руки...

Не снимать трубку? Нет, нельзя. Я находился здесь, чтобы отвечать. Законил так часто, словно вся Москва уже знает о случившемся только что, минуту назад. Снимать трубку, не зная еще, что ответить, но ясно понимая, о чем сейчас спросит меня. От одного, кто говорит со мной, слышны только всегда похолодевшие, приглушенные голоса и слышишь тот же вопрос:

— Кто с Лениным? Как Ленин?

Никого вокруг. Я один здесь. Тишина... Я должен сказать правду, но не могу. Не хочу верить, не верю в то, что произошло.

— Нич, — отвечаю я, — Ильич жив.

Я кладу трубку на рычаг. Но закончат нет конца. Я не успеваю отступить одному, как слышится новый закон. И всем так же тихо, как спрашиваю меня, я отвечаю:

— Да, Ленин жив.

Ильич я ответить не мог. Ленин действительно жил, будет жить...

Александр БЕЛЬМАС, член КПСС с 1920 года

затем мне тогда Петр Петрович Показил. В его тоне не чувствовалось еще тревоги. Никто не мог и подумать, что страшно горе уже рядом.

Сейчас только, несильно секунд назад, я услышал гром, как гром знаменитого, как слышится новый закон, Трубка выпала из ее руки...

Не снимать трубку? Нет, нельзя. Я находился здесь, чтобы отвечать. Законил так часто, словно вся Москва уже знает о случившемся только что, минуту назад. Снимать трубку, не зная еще, что ответить, но ясно понимая, о чем сейчас спросит меня. От одного, кто говорит со мной, слышны только всегда похолодевшие, приглушенные голоса и слышишь тот же вопрос:

— Кто с Лениным? Как Ленин?

Никого вокруг. Я один здесь. Тишина... Я должен сказать правду, но не могу. Не хочу верить, не верю в то, что произошло.

— Нич, — отвечаю я, — Ильич жив.

Я кладу трубку на рычаг. Но закончат нет конца. Я не успеваю отступить одному, как слышится новый закон. И всем так же тихо, как спрашиваю меня, я отвечаю:

— Да, Ленин жив.

Ильич я ответить не мог. Ленин действительно жил, будет жить...

